

В. Кулаков

ПОСЛЕДНЯЯ ЛОШАДЬ

Жизнь и судьба (Горизонт)

Владимир Кулаков
Последняя лошадь

«Горизонт»

2017

УДК 821.161.1
ББК 85.35

Кулаков В. А.

Последняя лошадь / В. А. Кулаков — «Горизонт»,
2017 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

ISBN 978-5-93121-417-7

Книга, которую вы держите в руках – о Любви, о величии человеческого духа, о самоотверженности в минуту опасности и о многом другом, что реально существует в нашей жизни. Читателей ждёт встреча с удивительным миром цирка, его жизнью, людьми, бытом. Писатель использовал рисунки с натуры. Здесь нет выдумки, а если и есть, то совсем немного. «Последняя лошадь» является своеобразным продолжением ранее написанной повести «Сердце в опилках». Действие происходит в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. Основными героями повествования снова будут Пашка Жарких, Валентина, Захарыч и другие. Многие персонажи – реальные, некоторые придуманные, точнее списанные с кого-то. Основной задачей автора было показать не парадную сторону цирка, которую видит зритель на представлении, а мир закулисы, переживания людей, отдавших свою жизнь этому ремеслу. Кому-то покажется, что эта книга вообще не о цирке, и он будет прав. Цирк – это всего лишь точка соприкосновения с окружающим нас миром, который меняется. Некоторые общечеловеческие ценности встречаются всё реже. Но есть вещи неизменные во все времена, на которых держится наш бренный мир. Возможно, именно поэтому книга и названа – «Последняя лошадь». . . . Отзывы о книге вы можете направить на электронную почту автора: kulahoop@mail.ru

УДК 821.161.1
ББК 85.35

ISBN 978-5-93121-417-7

© Кулаков В. А., 2017

© Горизонт, 2017

Содержание

От автора	7
Там, где кончается арена...	8
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	18
Глава четвёртая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Александрович Кулаков

Последняя лошадь

Автор выражает сердечную признательность Ирине Козловой за содействие в издании этой книги.

© В. А. Кулаков, автор, 2017

* * *

От автора

Я долго жил среди цирковых. Я был цирковым. Им остаюсь. Теперь уже останусь навсегда...

Это не профессия, не стиль жизни, не убеждения. Это – «хромосомы». Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или – Величайшая из наград...

В этой книге что-то вымысел, что-то правда. Но, где что, теперь трудно определить, столько времени прошло...

Все события книги происходят в 80-х годах теперь уже прошлого столетия. Многих героев повествования на этом свете больше нет. Кто-то ещё жив...

Век настоящий сменил век минувший. Одна эпоха пришла на смену другой. Мне кажется, что незаметно для всех одна человеческая цивилизация сменила другую...

Что-то неуловимо изменилось в этом мире на планете Земля. Поменялось многое, что когда-то грело душу и волновало сердце...

Поменялся цирк, его стилистика. Но не поменялись люди цирка. Они те же, что и прежде. Я с лёгкостью узнаю их на вокзалах, в аэропортах. Мне кажется, я знаю их всех, как своих родственников. Они и есть родственники. Одна кровь. Один «хромосомный» ряд, причудливо созданный Великим Небесным Художником.

В этих людях по-прежнему живёт самое ценное – Человеческая Любовь...

Им я и посвящаю эту книгу...

Там, где кончается арена...

Россия всегда была богата талантами. Вот и сегодня «на крыло» встает новое поколение интересных и талантливых литераторов, к которому следует отнести и Владимира Кулакова.

Профессиональный жонглер и профессиональный журналист, настоящий поэт и романист, он далеко не сразу, а постепенно, год за годом, шел к такой серьезной литературной форме, как роман.

Роман В. Кулакова «Последняя лошадь» оставил у меня ощущение сопричастности с загадочным для большинства из нас и таинственным миром, именуемым цирк.

Признаюсь, что, взяв в руки книгу вечером, я просидел с ней до утра. Не мог оторваться! Согласитесь, заставить искушенного читателя на одном дыхании «проглотить» целый роман – значит создать по-настоящему серьезное и увлекательное художественное полотно.

Сюжет книги – повседневная цирковая жизнь, такая она есть. При этом непосредственно выступления цирковых артистов и аплодисменты занимают в повествовании весьма малую часть. Это скорее некий фон, на котором развиваются основные события. Главные перипетии романа происходят не на арене, а за кулисами.

Перед нами закрытое от посторонних глаз сообщество (даже орден, если хотите), которое живет по своим законам чести. Артисты цирка в романе – люди совершенно различные и по своим привычкам, и по целям в жизни. Однако все они являются рыцарями своего ордена, законы которого для них превыше обид и сиюминутных интересов. Да, в повседневной жизни у цирковых всё, как у остальных людей: любовь, измены, зависть, мелкие дразги, нетерпимость. Но когда в цирк приходит беда, все мгновенно спланиваются, превращаясь в единое целое!

Здесь уже не может быть никакого компромисса, ибо цирк в ответе за каждого из своих сыновей и дочерей.

В романе В. Кулакова есть и мэтры, и молодые неопиты, весельчаки-экстраверты и люди, до сокровытых человеческих глубин которых ещё нужно добраться. Есть и свои мудрые старцы, к которым идут за советом в трудные моменты жизни.

Цирк в романе В. Кулакова – это миниатюрная модель нашей цивилизации, где отражены не только человеческие пороки, но и Величие Духа, Любовь, и Доброта. На этих «трёх слонах» и держится наш мир. По словам автора: «Цирк – это круглая многогрань...».

Насколько я знаю, до Владимира Кулакова никто еще столь детально и профессионально не описывал внутреннюю жизнь нашего цирка. Это не случайно. Чтобы взяться за такую сложную тему, необходимо быть не только профессиональным литератором, но и профессиональным цирковым. Владимир Кулаков является и тем, и другим.

Главы книги насыщены неожиданными поворотами. Хорошо построенные диалоги и обилие доброго юмора делает чтение занятием лёгким и увлекательным.

Если говорить в целом, то роман «Последняя лошадь» стала безусловной творческой удачей автора. Роман состоялся.

Возьмите в руки эту книгу и, поверьте мне, вы не оторветесь от нее, как не мог оторваться я. Поручкой тому – талант автора!..

*Секретарь Союза писателей России
Владимир Шигин*

Глава первая

Поезд замедлил бег, звякнул железной сцепкой, пару раз дёрнулся и остановился. Сутки в почти пустой неуютной плацкарте прицепного вагона остались позади.

– Ну, прощай, Пашка Жарких! – тётя Шура, проводница, улыбнулась, сделав ударение на имени и фамилии пассажира. – Давай, давай, шустрей – не Монте-Карло, стоим всего две минуты!

– Ух ты, запомнила! – Пашка усмехнулся. Дорогу коротали разговорами о цирковом житье-бытье, жизни вообще и питьём чая. Там он и поведал ей о Монте-Карло, где ежегодно проходит самый престижный международный конкурс среди артистов цирка – тайной мечте каждого из них.

Тётя Шура подняла откидную площадку, протёрла поручень и отступила в сторону.

Пашка быстро спустился вниз. Напрягая крепкие бицепсы, поставил на шуршащий гравий сначала увесистый чемодан, затем дорожную сумку. Никакой платформы не было.

– Счастливых тебе выступлений, артист! – услышал он уже издалика.

Поезд прощально качнул красными фонарями последнего вагона, в котором ехал Пашка, и исчез в мареве летних сумерек.

Он огляделся, прикинул расстояние до прятавшегося в зелени деревьев строения с названием города. До вокзала надо было идти.

Неспешно темнело. В фиолетово-лиловом небе, далеко за краем земли, умирал закат. Тишину нарушали лишь Пашкины шаги по гравию да вечерняя перекличка птиц. Пахло ночными фиалками, отцветающей акацией и ещё чем-то, будоражащим молодое сердце.

– Ехали мы, ехали... О, забрался! Мм-да-а, действительно, не Монте-Карло! Встречать, скорее всего, никто не будет...

Наконец появилась платформа с потрескавшимся асфальтом. После гравия шагать стало легче. Пашка поменял в руках местами сумку с чемоданом. Чемодан оттягивал плечо. Лямки сумки впивались в кисти рук, но там было помимо вещей и самое дорогое – жонглёрский реквизит. Всё это он нёс по цирковому куражно и радостно, подбадривая себя репликами вслух.

На привокзальной площади в этот час царило безлюдье. Лишь одиноко светился зелёный глазок такси. Двери в машине были распахнуты. Поставив ногу на бампер, на капоте сидел долговязый парень в кожаной кепке. Она по-пижонски была натянута почти на нос. Для того чтобы что-то рассмотреть, ему приходилось высоко задирать голову. Тёмно-коричневый цвет кепки резко контрастировал со светлыми волосами таксиста. Небрежно торчащие длинные пряди слегка трепал вечерний ветерок. Розовая рубашка была завязана на животе узлом поверх стареньких джинсов. Он грыз семечки, смачно сплёвывая кожуру себе под ноги.

Цирковая администрация, как всегда, была «на высоте». Молодого артиста действительно не встретили, предоставив его самому себе в незнакомом городе.

В какой стороне располагался цирк, Пашка не ведал, поэтому такси для него было единственным спасением в этот час.

– Куда едем, сэр? Моя «ворона» к вашим услугам до ближайшего ранчо! – таксист указал на чёрную, выдающую виды, «Волгу».

Парень был чуть старше Пашки Жарких: лет двадцати семи – двадцати восьми. Его «вороной», судя по всему, – не меньше. Машина была во многих местах заметно помята и поцарапана. Ржавчина, потеряв всякий стыд, выставила в металле все дыры напоказ. Сквозь трещины на лобовом стекле виднелся лист картона. На нём была нарисована конская голова и крупными буквами написано: «Последняя Лошадь».

Пашка потоптался в нерешительности, предвкушая перспективы поездки, и, вздохнув, пробурчал второй раз за последние десять минут:

– Да-а... Точно не Монте-Карло!..

– Чего, чего, – заинтересовался таксист. – Не понял?

– Поехали, говорю! – Пашка попробовал было пристроить свои вещи в багажник такси.

– Не-не! Не туда, там грязно – масло пролил, утром почищу. Давай в салон. – Хозяин машины выбросил остатки семечек на асфальт, вытер руки о штаны и привычным жестом забросил багаж на заднее сиденье «Волги», охнув от веса чемодана:

– Чего там у тебя, кирпичи, что ли?..

– Книги.

– А-а! Книги!..

– Цирк-шапито знаешь, где стоит в вашем городе? Мне туда.

– Ци-ирк? – как-то по-детски радостно и удивлённо переспросил таксист. – Знаю! Я там вчера клиента подбирал. Уже брезент натянули, кассу поставили. Народу!..

Но туда далеко, на другой конец города, – предупредил он и хитровато посмотрел на Пашку.

– Поехали, поехали! Я вижу – других «лошадей» здесь всё равно нет. – Пашка осторожно забрался на переднее сиденье.

– И до утра не будет. Поэтому – «Последняя Лошадь»... – шофёр со второго раза еле захлопнул водительскую дверь. Он аккуратно положил свою кепку на приборную панель. Каждый головной убор ему явно нравился и был дорог.

– Так ты – артист? – таксист с интересом рассматривал пассажира, включая счётчик. – Ух, ты! Никогда не видел живого артиста!

– Надеюсь, мёртвого не увидишь тоже, – слегка огрызнулся Пашка, задетый его бесцеремонностью, и тут же подколот:

– На ходу не развалимся, довезёшь?

– Хилый юмор у тебя, дружок! – обидчиво покосился на Пашку водитель, повернув ключ в замке зажигания. «Волга» с минуту не хотела заводиться, «чихала» и скрежетала. Наконец, стрельнув выхлопной трубой, она хрипло заворчала и, скрипя всем железным скелетом, неторопливо набрала скорость. Где-то под ногами что-то повизгивало:

– Выжимной... Подшипник! – пояснил шофёр. Он пару раз резко ударил стопой по педали сцепления. Визг прекратился. – О, нормально!..

Пашка, после того, как убедился, что машина после «клинической смерти» всё-таки вернулась к жизни и даже едет, спросил:

– Как вас на линию-то в таком виде выпускают?

– У нас тут не Москва – всё попроще! Хм, как в Марьиной Роще... – таксист покосился на пассажира и тут же гнусавым женским голосом дурашливо спросил:

– Гражданин! Вам «шашечки» или ехать?..

– Что ж ты довёл свою «лошадь» до такого состояния?

Шофёр криво усмехнулся:

– Это не я. Тут до меня с десятков «наездников» трудились. Она вообще не ездила, стояла ржавела в «железном ряду» – это у нас так списанные машины зовутся. Я её за два месяца поднял. Скоро обещали новую «тачку». Вот и терплю...

Пашка вытягивал шею, на дорогу смотреть мешал кусок картона с надписью. Он вытащил этот «плакат», прижатый к стеклу воткнутой в приборную панель отвёрткой. В лицо ударил поток воздуха.

– Э-э! Там дырка в стекле! Тут всё предусмотрено!.. – хозяин машины недовольно попытался пресечь самоуправство пассажира.

– Зато теперь прохладно и дорогу видно. – Пашка удобнее расположился в кресле, рассматривая надпись на картоне.

– И так все окна открыты! А-а, ладно, как хочешь! – махнул он рукой.

В нижнем правом углу лобового стекла, прямо напротив Пашки, зияла дыра с крупный грецкий орех. От неё разбегались трещины, как от солнца лучи. В отверстие действительно прилично сквозило.

– Камень словил на встрече из-под КАМАЗа, – опередил вопрос водитель. – Менять не хотят, мол, нету. Врут!..

Пашка сочувственно кивнул. Затем улыбнулся и щёлкнул пальцем по картонке:

– Хм, остроумно – «Последняя Лошадь»! – он аккуратно засунул «рекламную вывеску» за отворот солнечного козырька и впервые внимательно посмотрел на сидевшего за рулём. Тот был явным оригиналом.

– А то! – таксист гордо поднял подбородок. – Сидел бы ты сейчас на вокзале, ждал первого утреннего автобуса, как Робинзон Крузо Пятницу после дождика в четверг! А тут – я, как ангел с небес, со своей «Последней Лошадью»!

– А может, название такое потому, что в твоей развалюхе осталась всего одна лошадиная сила? – Пашка не упустил случая пройтись по «живому», намекая на скорость, с которой они тащились. Шофёр ухмыльнулся, сверкнул фиксой на переднем зубе и прибавил газу.

Минут пять ехали молча. Таксист включил ближний свет. Виднее не стало. Настоящей ночной темноты по-прежнему не было. Небо светилось прощальной полоской заката, всё ещё цепляясь за уходящий день. «Волга» тянула монотонную песню и катила по неширокой пустующей дороге. Встречных машин не было.

Водитель поправил кепку на панели и вновь заговорил, словно продолжая начатый разговор:

– Мне нравится бывать на вокзале в такие часы. Никто больше туда ездить не хочет – пассажиров-то раз-два и обчёлся. В это время всего один проходящий. Я туда приезжаю за тишиной. Соловьи поют, черёмухой пахнет, сиренью. Сейчас, правда, уже почти всё отцвело, но красоты меньше не стало. Главное – нет людей...

– А как же заработок, план? – Пашка не ожидал такого откровения от водителя. Устоявшийся стереотип образа таксиста явно рушился.

– Да какой там план, какие заработки вот на этом! – шофёр слегка ударил двумя руками по рулю машины. Помолчал. – Я дорогу люблю...

Пашка украдкой поглядывал на водителя «Последней Лошади», насколько ему позволял вечер и неяркий свет фонарей на придорожных столбах. Шофёр «Волги» был жилист, поджар, даже несколько худощав. Назвать его привлекательным можно было с натяжкой. Но что-то в нём было такое, что притягивало взгляд. В парне чувствовалась мужская сила и надёжность. Глаза его смотрели жёстко и вызывающе. Нос с заметной горбинкой, хищно изогнутые ноздри и волевой подбородок говорили о решительности характера. Светлые длинные волосы, откинутые назад, открывали скошенный лоб. Одна из бровей таксиста была повреждена. Шрам переломил её в середине углом. От этого одна из сторон его лица смотрела на собеседника как бы слегка удивлённо и иронично. В том, как парень держался, чувствовалась подчёркнутая бравада и привычная уверенность в себе. Он напоминал какую-то хищную птицу, всё время рвущуюся в полёт. Лёгкая сутулость, жёсткая складка у рта, постоянно играющие желваки на скулах и пристальный взгляд серых глаз создавали некоторую агрессивную угрюмость, которая никак не вязалась со словами законченного романтика.

– Брошу я эту работу. Не моё это... – заговорил таксист, задумчиво глядя на дорогу. – К геологам подамся или на север. Мир хочу посмотреть. Себя в настоящем деле проверить. Вот так, циркач!

Пашку словно кольнули.

– Так не говорят. Это для нас, как оскорбление!

– А-а, ну, извини! А как говорят?

– Артисты цирка или – цирковые. Циркачами мы назывались до революции, ну, может, ещё немного, чуть позже. Безграмотные были, нищие. «Бабы, снимай бельё – циркачи приехали!» – вот так встречали нас лет семьдесят тому назад. Теперь всё изменилось...

– Значит, вы теперь все образованные и богатые? – с сомнением посмотрел шофёр на Пашку Жарких.

– Хм, да уж... – ушёл от ответа «циркач».

– А что у вас ещё не говорят?

– Не говорят «последнее» или «последний». Заканчивая гастроль, цирковые никогда не скажут: «последнее представление». Или – «последний раз». Так что «Последняя Лошадь» – название классное, но не для цирка.

– Блин, что же у вас тогда можно говорить? – начал заводиться шофёр, уязвлённый неподходящим названием его такси.

– Остальное всё можно! – улыбаясь, примирительно сказал Пашка. И добавил уже серьёзно: – Понимаешь, цирк – такая штука, где в любой момент всё может оказаться «последним разом». Вот и стараются не говорить то, что может накликать беду.

– Ну и как вы обходитесь без этих слов? – водитель повернул голову в сторону Пашки, забыв про дорогу.

– Э-э! Ты вперёд смотри, а то как раз будет нам – «Последняя Лошадь»! – Пашка занервничал, видя, как машина направилась к обочине. – Ну, заменяют эти слова на похожие по смыслу, скажем, «ещё раз» или «ещё одно». Как-то так...

Несколько минут ехали молча, каждый думая о своём.

Неожиданно таксист начал громко хохотать, стуча по баранке. Пашка вздрогнул, потом тоже стал тихонько посмеиваться, заражаясь от напавшего на водителя приступа ржача.

– Нет, я не могу! Это... Это что ж получается! У меня теперь значит – «Ещёразная Лошадь»? Ну вы цирковы-е-циркачи даёте! Мозги снесли за минуту!.. Не «Последняя» – «Ещёразная»!..

Шофёр хохотал в голос, смахивая слёзы и сверкая стальной фиксой. Ему вторил Пашка Жарких. Они то и дело повторяли: «Ещё... Ещёразная Лошадь»!..

Вдруг таксист прервал смех и посерьёзnel.

– Ну, всё, посмеялись. Сейчас будет ещё веселее...

В сумраке вечера дорога пошла круто в гору. По правую руку зиял заброшенный карьер. По левую – высокая насыпь, словно горная вершина.

– Ну, «Ещёразная», давай!

«Волга» тянула, как могла, завывая, словно шла на взлёт. Скорость заметно падала. – Не осилит «коняга», будешь толкать!..

Пашка внутренне усмехнулся такой перспективе: «Кто кого везёт?..»

– Тут дорога проходит по самому краю карьера, – пытаясь перекрыть вой мотора, рассказывал водитель. – Лет пять назад туда на спуске две фуры с прицепами улетели. Да и других «приключений» ежегодно хватает. Особенно «весело» тут зимой... Теперь вот новую дорогу достраивают в обход этой горы и карьера. Там уже начали ездить, но пока пользуемся и этой. Зовём её – «дорога в рай»...

Машина медленно, с натугой шла на подъём, проехав мимо самодельного обелиска с запалёнными бумажными цветами и автомобильным рулём.

Крутой поворот открыл вид на город. Обочина дороги резко обрывалась в карьер, дна которого в сумерках не было видно.

– Метров тридцать-сорок, не меньше! – невольно поёжился Пашка, вспомнив историю с грузовиками.

– Карьер этот теперь почти в центре города оказался, – продолжал рассказ таксист. – А город наш – вот он, что твоя Москва, на семи холмах. Сам-то оттуда?

Пашка ничего не имел против Москвы – она ему нравилась! Он даже полюбил её за время учёбы в цирковом училище, но неожиданно для самого себя приврал:

– Я питерский.

– О! Город Ленина! – шофёр показал свою осведомлённость.

– Скорее – город Петра, – восстановил историческую справедливость Пашка.

Он соврал, потому что хотел избежать расспросов и тяжёлых воспоминаний о своём настоящем городе детства. «Циркач» родился и вырос всего в каких-то ста пятидесяти километрах от места, куда он сегодня приехал. По сути, они были земляками. Но его враньё сейчас ударило с другой стороны! Оно тут же напомнило ему о недавних событиях – о разбившемся семейном корабле в городе, к которому он себя причислил...

Таксист не заметил нахмурившегося лица пассажира и продолжал:

– Поговаривают, что хотят сделать из карьера пруд, рыбу развести, а вокруг парк разбить. Это будет, наверное, самый глубокий пруд в мире! А пока, видишь, испоганили место. Теперь в другом месте роют. Вокруг скоро будут одни карьеры с прудами и «золотыми рыбками», жить станет нигде...

– А чего роют-то?

– Здрасьте!.. Ты хоть знаешь, куда приехал-то? Наверное, удивился – чего это город наш так называется?

Пашка пожал плечами. Название действительно смутило его ещё в телеграмме, которую он получил из Главка накануне. Там сухо, в несколько строк, указывалось, что, мол, вы, жонглёр Павел Жарких, направляетесь в летний передвижной цирк «Дружба» в город «N» (со странным названием, имеющим отношение скорее к поцелуям, нежели к проживанию), начало гастролей – тогда-то...

Такого города он не знал. Догадывался по расположению – где-то в бывших родных местах Черноземья.

– ...Название нашего города произошло от фамилии известного геолога. Здесь он нашёл руду. Слышал – магнитная аномалия? Так вот здесь – её центр. Тут железа добывают, наверное, больше чем во всех других местах, вместе взятых. Вот и живём теперь во всём этом... – то ли с гордостью, то ли с сожалением закончил свои объяснения таксист. Он взял с торпедо машины свою любимую кепку, резко накиннул её на голову и дёрнул за козырёк.

Дважды выжал сцепление, с лёгким скрежетом переключил скорость и сам себе прокомментировал:

– Синхронизатор, блин! Достал!.. – и, играя желваками, замолчал.

Вдалеке мерцали городские огни. Они переливались новогодней гирляндой, раскинувшись вверх и вниз. Было красиво и как-то необъяснимо тревожно...

– Новостройки, современный район! – словно угадав мысли пассажира, кивнул водитель – Туда нам и надо.

Наконец дорога начала уходить от опасного обрыва. «Волга», напрягая силы, упорно двигалась к концу подъёма. Последние метры она преодолела, казалось, на пределе своих возможностей.

– Ну, вот и всё! Молодец, старуха! – хлопнул по баранке довольный водитель и вновь сверкнул фиксой. – Отсюда до твоего цирка рукой подать.

Машина перестала надрывно реветь и трястись. Вдруг она зачихала, задёргалась, пробежала с десятков метров и безжизненно стала. Её фары тускло светили на пустынную дорогу.

– Да-а, перехвалил... – почесал затылок таксист, виновато посмотрев на пассажира. – Семечек хочешь?

– Укатали Сивку крутые горки! – Пашка вздохнул. – Открывай капот, семечки!..

– Сами с усами, знаем, что не багажник!..

Хозяин «Последней Лошади» долго проверял контакты, свечи. Иногда просил пассажира заводить машину. Сам вращал ключом в замке зажигания, сплёвывал и тихо матерился. Подкапотная лампа освещала его озабоченный профиль. Причина поломки не отыскивалась.

На небе появились первые звёзды. Ночь тихо и безучастно наблюдала за путниками. Пашка вышел из машины, залез на пригорок и посмотрел вдаль.

Ветер приносил с собой знакомый с детства запах полыни, донника, распаренного за день и высушенного солнцем сена и ещё какой-то волнующий аромат начала лета. Где-то вдалеке, на излучине мерцающей реки, трещала моторная лодка.

– Как в деревне на косогоре, близ Дона... – подумал Пашка и потянулся за сигаретой. Курил он редко, скорее для форса, дав себе твёрдое слово в этом гастрольном городе бросить совсем – на манеже, в работе, иногда «дыхалки» не хватало.

Воспоминания, которые он постоянно гнал от себя, спрятав их в самый дальний потаённый уголок, вдруг вырвались на волю, накатили, давя на сердце и горло. Калейдоскоп прошлого закружился галопом цирковой лошади. Вспомнилось воронежское детство, побег из дома, встреча с Захарычем. Смерть последнего родного человека – спившейся вконец тётки. Пашкины постоянные приезды к Валентине в её гастрольные города, ещё когда он учился в цирковом училище, её приезды к нему. Честно заработанный «красный» диплом, отрепетированный сольный жонглёрский номер и почти два года семейной жизни, где мёд горчил, а лекарства были ядом.

Вместе с сигаретным дымом у Пашки вырвался наружу невольный стон от ноющей, не проходящей боли. Всё пронеслось одной секундой, полоснув по сердцу и оставив кровоточащий след, как только что вспоровшая небо падающая звезда...

Таксист всё возился с машиной, проклиная «Последнюю Лошадь» и всех лошадей на свете, запряжённых в железную повозку под названием автомобиль. На свет лампочки под капотом прилетела мошकारа, которая досаждала шофёру ещё больше, чем таинственная неполадка.

– Дыми сюда, циркист, а то сожрут! – шофёр был доволен своей шуткой. Лихо переделанное слово напоминало ему знакомое – «таксист».

Пашка пропустил мимо ушей каламбур, который остался без аплодисментов. Реплика шофёра тем не менее отвлекла его от терзающих воспоминаний.

Пуская струю дыма на мошкару, он вдруг заметил, что центральный провод трамблёра как-то странно торчит. Дотронувшись до него, «циркист» понял причину поломки.

– Садись, заводи...

– ?!..

– Садись, тебе говорю, «погонщик лошадей»! – У Пашки была природная реакция на слово. «Поздним зажиганием» он никогда не страдал. «Циркист» тоже не осталось без внимания. – Садись, фокус покажу. Заводи!..

Машина немного покапризничала и завелась.

– Ну, ты даёшь! – восхищённо взглянул на своего пассажира таксист. – Что там было? – его повреждённая бровь собралась гармошкой. Он вытирал руки о тряпку, извлечённую из «бардачка».

– Кио секретов не выдаёт! – Пашка решил сохранить в тайне «серьёзность» поломки. Его авторитет резко возрос в глазах владельца «Последней Лошади».

Дальше ехали без приключений. Вскоре шофёр объявил:

– Ну, вот ты и «дома». А мне ещё «скакать» километра три до таксопарка.

Слева высилась усечённая пирамида цирка-шапито, спящего в ночи. Лёгкие порывы налетающего ветра шевелили брезент, который, словно волна в море, вздыхал и успокаивался. Цирк окружала металлическая изгородь, к которой прилепились вагончики с тёмными

окнами. День кончился. Артисты теперь кто в гостиницах, кто на съёмных квартирах – обычная гастрольная жизнь...

Таксист выключил счётчик и помог вытащить из салона вещи. Пашка протянул купюру.

– О! У меня нет сдачи!

– Не надо. Это тебе за экскурсию – когда ещё так незабываемо поездишь! Ну, и на «сено»...

– Какое сено? – не понял таксист.

– Для твоей «лошади», – кивнул Пашка на авто.

– Остряк-самоучка! – беззлобно огрызнулся шофёр. – Слушай, а у вас в цирке лошади есть?

Пашка утвердительно кивнул и невольно улыбнулся, вспомнив о самых дорогих ему людях, ради которых он сюда и приехал: о Захарыче, Свете Ивановой и их конном номере. Водитель о чём-то подумал и спросил:

– А если я к тебе как-нибудь забегу, коняшек покажешь?

Пашка, продолжая улыбаться, ещё раз кивнул.

– А как тебя найти? – бровь таксиста приподнялась сломанным треугольником.

– Спросишь жонглёра Пашку Жарких. Ну, или Пашку Жару...

Дверь такси вновь захлопнулась не с первого раза. Машина рыкнула, обдав плохо сгоревшим бензином. Со скрежетом включилась первая скорость.

– Тебя-то как звать, ковбой? – крикнул Пашка. Из треска и дребезжания донеслось:

– Венька Грошев! Ну, или Венька Червонец!.. Облако бензина развеялось, подвывающий звук удаляющейся машины постепенно стих.

– Хм, «Последняя Лошадь»... – вспомнил Пашка и, подняв сумку с чемоданом, толкнул незапертую калитку ограды цирка.

Глава вторая

Молодой перспективный жонглёр Пашка Жарких остановился посреди тёмного двора передвижного цирка-шапито, на мачтах которого, по дуге, фанерными буквами было написано «Дружба». Приезжий всматривался, пытаясь хоть как-то сориентироваться и решить, что делать дальше. Он разглядывал силуэты разрисованных цирковых вагончиков, которые стояли по периметру, тесно прижавшись друг к другу, образуя букву «П», и старался угадать, в каком из них его Захарыч.

– Ну что ж, «Дружба» так «Дружба»! Интересно, есть кто живой? С кем «дружить-то»?..

В дальнем углу светилось окошко. Это был единственный приветливый огонёк в молчаливом тёмном царстве спящего цирка. Где-то всхрапывали лошади, постукивая копытами по деревянному полу денников. Нет-нет, повизгивали потревоженные посторонними звуками дрессированные пуделя. Порывивали громко сопящие во сне медведи.

Вдруг залаяла собака, почуяв непрошеного гостя. В проёме циркового вагончика на шум появилась фигура.

– Кто тут? – нарочито строго прозвучал характерный, с лёгкой хрипотцой, знакомый голос.

– Никита Захарович Стрельцов тут проживает? Ночной конюх нужен? Принимай на постой!..

– Пашка! Сынок! Ты, что ли? – в возгласе Захарыча было столько отцовской радости и приветливости, словно они расстались не месяца назад, а не виделись минимум, пару лет. – Я-то тебя ждал под премьеру, дня через два. А ты – вот он! Радость-то какая!

Собака Захарыча, Варька, облизала Пашку с ног до головы, повизгивая от восторга и виляя хвостом.

– Ну, всё, утомонись! – словно ревнуя, выговаривал ей старик, пытаясь поднять Пашкин чемодан.

– Не-е, Захарыч, это не твой вес, я сам. А где мой вагончик?

– Миркин, ну ты его помнишь – инспектор манежа, чего-то там распределял, но я не в курсе. Мне он дал вот этот – под шорную и жильё. Заодно сторожу цирк. Обещали даже чего-то там заплатить. Насчёт твоего – завтра утром у него узнаем. А пока пойдём чай пить, заодно повечеришь! С ночёвкой что-нибудь придумаем.

Пашка бросил у входа свои вещи и шагнул внутрь. Его обдало давно знакомым, почти родным запахом сыромятной кожи и конского духа. Варька покрутилась около людей, успокоилась, увидев, что никто никуда не уходит, лизнула ещё раз Пашку в лицо и пошла проверять территорию ночного цирка...

Полужинав, чем бог послал, узнав последние новости, Пашка сообщил Захарычу, что спать сегодня будет прямо на манеже. Стрельцов улыбнулся и покачал головой: «Ну-ну!..» За свою долгую жизнь в цирке ему это приходилось делать не раз, и не всегда из-за любви к романтике...

– Мой надувной матрас возьми, когда ещё свой распакуешь!

– А ты? На своём походном сундуке все кости ломаешь!..

– За столько лет не сломал же! Зато радикулита никогда не было. Тулуп постелю. Чего ему зря до зимы пылиться. Пусть теперь летом послужит...

...Пашка, насколько позволяло зрение, осмотрел брезентовую закулисную часть передвижного цирка-шапито, где разместились и конюшня, и медвежатник, и собачник, и место для рабочего реквизита, и небольшая площадка для разминки артистов перед выходом на манеж.

Здесь всё расположилось рационально, максимально удобно и безопасно для людей в соседстве с животными. Сейчас закулисье освещали две неяркие дежурные лампочки. В их тусклом свете через распахнутый занавес едва был виден зрительный зал и манеж. Всё это цирковое пространство шевелилось ночными призраками, тенями, постанывало и поскрипывало...

Пашка бросил прорезиненный матрац в центре манежа и лёг на него, не раздеваясь. Спать оставалось всего несколько часов. В семь утра, как водится, кто-нибудь придёт репетировать с животными.

Пахло сосновыми опилками, стойким запахом циркового зверья. Пахло чем-то непередаваемым, как может пахнуть только цирк. Этот запах однажды входит в сознание цирковых и уже не покидает до конца дней...

Под куполом, едва различимо, покачивалась обмотанная фалом усмирённая до определённого часа трапеция. С ней, поблескивая никелем, заигрывали мосты канатоходцев. Верёвочная лестница, словно бдительная патронесса, делила по диагонали пространство, пресекая всякие ночные вольности. Под куполом продолжалась невидимая простому человеческому глазу жизнь. Сам шапито, словно гигантские лёгкие цирка, под несильными порывами ветра то сдержанно вздыхал, беспокоя купол, то на время затихал, провисая парусом до следующего вздоха...

Пришла Варька. Облизала Пашке руки, лицо и, покрутившись волчком, легла, прижалась лохматым боком, обдав жаром. Ночь стояла тёплая. Пашка смотрел в сумрак циркового поднебесья, заложив руку за голову. Было как-то безмятежно спокойно, умиротворённо и по-домашнему уютно. Впервые за долгое время его ничего не угнетало, словно многолетняя затяжная хворь то ли наконец-то оставила его в добром здравии, то ли окончательно погубила...

Мысли Пашки летали в неземных сферах. Яркие картины прошлой жизни мелькали всполохами зарниц, отсветами потухших пожарищ, взрывами снарядов и трассирующих пуль. Всё, что произошло за последние пять лет, выстроилось в цепочку воспоминаний. Он будто смотрел на ночном сеансе кино то ли про себя, то ли про какого-то Пашку Жарких...

Глава третья

Спецборт Ил-76 приземлился в одном из аэропортов Москвы. Его загнали на самую дальнюю стоянку. Подъехал автобус, и вышедших из самолёта повезли в терминал. У этого сектора встречающих было немного. Стоял расширенный военный патруль и ещё какие-то люди в гражданке. Прилетевшие пассажиры были странными. Многие из них были крепко не трезвы. К ним подходили, задавали вопросы и, разбив на группы, сопровождали дальше. Всё проходило неторопливо, негромко...

В этой компании был и Пашка Жарких. Накануне ему удалось дать телеграмму. Его встречала Валентина и её отец Виктор Петрович.

Они радостно обнялись и проследовали к машине. У тротуара стояла новенькая белая «Волга» Виктора Петровича. Чемодан положили в багажник, отец сел за руль, а Валентина с Пашкой на заднее сиденье.

Они прижались друг к другу, словно после долгой разлуки хотели согреться. Валя взяла Пашкину горячую руку в свою, положила голову на его плечо и замерла. Ехали молча. Машина уютно пахла кожаным салоном, мягко урчала и тихо покачивала.

Переписывались они с Пашкой только последние полгода. Прослужив первый год, он написал ей гневное письмо по поводу её измены. Когда это случилось, она приехала к нему по месту службы, чтобы объяснить, но от встречи с ней он отказался и потом куда-то исчез. Она его долго разыскивала, но ей ответили, что гвардии рядовой Павел Жарких переведён в другую часть в другой военный округ. И всё, концы в воду...

Валентина приложила невероятные усилия, включила всё своё обаяние, чтобы через военкома одного из райвоенкоматов Москвы, к которому были приписаны все артисты «Союзгосцирка», узнать, где её Пашка.

– Он отправлен в строевые части на самые южные рубежи нашей Родины. Это всё, что могу сказать.

– Что такое строевые части? Они там строят что-то? Или строем ходят?

Комиссар хмыкнув, улыбнулся.

– Ну, типа того. И строем ходят, и строят... – потом тихо добавил, как бы для себя, роясь в блокноте. – Всех подряд...

– А как ему написать?

– Письма туда идут долго. Вот номер войскового подразделения. Пишите туда, перешлют... Больше ничем помочь не могу. Всего доброго!..

Они списались. Объяснились. От него пришло несколько писем. В конце концов, Пашка ей всё простил... Писал, что они тут сажают цветы, охраняют объекты, маршируют – ничего особенного...

Он сидел в машине какой-то отстранённый и чужой.

– Загорел-то как! – Валентина провела по щеке Пашки ладонью. – Возмужал! Ты у меня теперь настоящий мужчина! Воин!..

Глаза Пашки были какими-то невероятно уставшими и напряжёнными, словно он всё время куда-то всматривался. По краям глаз пролегли незнакомые доселе складки, особенно выделяющиеся на фоне его плотного загара.

– Ой, Пашка, у тебя старческие морщины! – Валентина нежно попыталась их разгладить. – Откуда?

– Это от обилия солнца. Ну и... много смеялся, – он попытался улыбнуться.

Виктор Петрович, не отрываясь от дороги, вклинился в разговор:

– В каком месте служил, если не секрет?

– Под Душанбе.

Потом, подумав, скорректировал адрес:

– Точнее, под Термезом.

– Пяндж?

Пашка кивнул. Виктор Петрович внимательно следил за дорогой и поглядывал на своего пассажира через зеркало заднего вида. Пашка видел серьёзные сосредоточенные глаза Виктора Петровича. Через паузу тот спросил ещё:

– На каком берегу – левом, правом?..

Пашка помедлил, как бы не решаясь, потом тихо ответил:

– На обоих...

Валентина радостно рассказывала последние цирковые новости, не выпуская Пашку из объятий. Тот сидел, улыбался, но присутствовал, видимо, не весь...

Виктор Петрович негромко включил приёмник. Полилась красивая мелодия.

– Устал? Как себя чувствуешь, хороший мой? – Валентина провела по животу Пашки. – Похудел! Вас там что, не кормили?

– Я в форму входил, пресс качал, мышцы.

– Ну, это я чувствую – подрос, подрос! Бицепсы-трицепсы! Есть за что подержаться... – Валентина ослепительно улыбнулась и многозначительно посмотрела на Пашку. – Желания есть? Чего хочешь, мой долгожданный?

– Спать. И репетировать. Руки тоскуют!

– И всё? А-а... – Валентина поиграла глазами и, приподняв одну бровь, озвучила вопрос междометием, который вишнёвой помадой цвёл у неё на губах: – Мм-м?..

– Ну-у... – так же многозначительно, но смущённо ответил Пашка, – само собой!.. – и впервые улыбнулся легко и свободно.

Он, кажется, вернулся...

Через двое суток, как и положено, он явился в военкомат, откуда его и призывали. Новый военком встретил лично.

– Ну, что, боец! С возвращением. Посмотрел твою учётную карточку. Хм, молодец – «За б. з.» имеешь! Неплохо, неплохо. Я свою «За боевые заслуги» в Анголе получил. Ну, ты, надеюсь, понимаешь, сынок, об этом пока рассказывать не стоит. С особым отделом, думаю, перед дембелем общался? – Пашка кивнул. – Ну и ладушки!.. Теперь будем жить у бабушки... Перестраивайся на мирную жизнь и поскорее постарайся всё забыть. Если получится...

Пашка съездил домой в Воронеж. Проведал тётку. Метнулся в Москву в Главк. Восстановился в прежней должности, с которой он был уволен перед армией, и снова поехал служащим по уходу за животными к Захарычу. От Стрельцова как раз ушли очередные случайные помощники.

Пашка с жадностью работал за двоих. Не слезал с лошадей у джигитов. Два месяца он ненасытно жонглировал, навёрстывал упущенное за последний год, где возможность репетировать была не такой частой, как хотелось.

Пашка не мог надышаться воздухом цирка! Он по-настоящему вернулся!..

Как-то в телефонном разговоре он поведал Валентине о своей мечте учиться в цирковом училище. Виктор Петрович воспользовался связями. Сходил в ГУЦЭИ, поговорил с директором, намекнул, где служил Пашка, и в конце августа парня вызвали на просмотр...

Ещё недавний солдат вышел на учебный манеж в самодеятельном костюме, в котором когда-то появлялся на сцене дома офицеров на концертах. Разложил на барьере кольца, булавы, мячи. Перед ним сидели директор циркового училища Волошин Александр Маркианович, педагог по жонглированию Фирс Петрович Земцев, Виктор Петрович с Валентиной и ещё пара преподавателей. Пашка старательно, немного зажимаясь, показал всё, на что был способен.

Повисла долгая пауза. Валентина поглядывала на Пашку, тот на неё. Вместе они пытались угадать мысли импровизированной экзаменационной комиссии. Фирс смотрел себе под ноги, Волошин жевал губами, остальные имели свои суждения, но ждали приговора.

Наконец Александр Маркиянович в свойственной ему ироничной манере скрипуче заговорил.

– Ну, что, маршал! – он обратился к Земцеву, намного преувеличивая его воинское звание, полученное в Великую Отечественную, но подчёркивая авторитет в мире цирка. – Я-то молчу, ладно. Ты что скажешь?

Фирс Петрович словно очнулся, подняв голову.

– А что тут говорить! Чему я могу его научить? Ему впору учить меня. Школа есть, трюков на троих хватит. Ну, разве что технику чуть подправить. А так – давайте диплом и на манеж!

– Диплом дадим. Со временем... Ты, думаю, понимаешь, – Волошин обратился к Пашке. – Приёмные экзамены закончились ещё в начале июля. Послезавтра уже первое сентября, начало учебного года. Тебе повезло – один из поступивших забрал документы, место освободилось. Так что начинай учиться. В процессе сдавай, что там у нас положено: сочинение, историю, иностранный язык, – и вперёд. На каком иностранном разговариваешь?

– На фарси немного...

– А он ещё и юморист! Фирс! Всё отменяется! Мы его к Майхровской, к Антонине Парфентьевне, на эстрадное, на отделение клоунады определим. Там такие нужны!

Пашка перепугался, что сболтнул лишнее и всё испортил!

– Не надо на эстрадное! Хочу на цирковое!..

Все невольно рассмеялись, видя Пашкин испуг.

– Не отдадим, не отдадим. У нас тут своих клоунов тоже хватает! – на вечно строгом лице Земцева появилось подобие улыбки. Волошин подытожил.

– Значит так! Четыре года тебе, тем более как армейцу, здесь делать нечего! Профессиональная подготовка у тебя крепкая. Но всё равно учиться придётся серьёзно и загруженно. Фирс Петрович теперь твой режиссёр и курсовой. Чтобы получить диплом, надо будет создать номер и пройти все предметы, которые здесь преподают. Два года хватит. Первый-второй курс отучишься за год, потом – третий-четвёртый так же, и выпуск. Только без хвостов и баловства! Всё понял?

Пашка радостно закивал. Он ещё толком не мог осознать, что его давнишняя тайная мечта вот так просто и легко только что осуществилась.

Глава четвёртая

Пашка сидел на ковре манежа и, обняв колени, смотрел в одну точку. Репетиция не клеилась. Сегодня ночь прошла практически без сна. Вместо этого было какое-то муторное забытьё. Грезилась армия. Пашку почему-то снова призывали, он доказывал, что уже служил, но ему объясняли, что он не дослужил и надо ещё год. Он просыпался в кошмаре, снова проваливался в эти тягостные мутные видения, где взрывы и стрельба плющили мозг, заставляли сбрасывать на пол студенческое одеяло.

Сосед по комнате общежития Андрей Щеглов испуганно разбудил Пашку Жарких:

– Э-э! Ты не заболел? Чего мычишь, взбрыкиваешь? Орёшь тут! Сальто-мортале, что ли, крутишь?

– А?.. Да... Репетирую... – вернувшись в реальность, облегчённо выдохнул Пашка. – Это... арабское не получается, не докручиваю...

– А-а... – с пониманием протянул Андрей. Среди студентов, которые вкалывали на манежах циркового училища до изнеможения, не редкость были подобные «пируэты» во сне. Дневные репетиции плавно переключивались в ночные сновидения.

– А что такое это, как её – «дас-бар-дор»? – Щеглов по слогам повторил то, что Пашка за ночь выкрикнул не один десяток раз. Тот дёрнулся от неожиданности.

– А ты откуда это знаешь?

– Да ты достал меня сегодня этим «дасбардором»! Так чего это значит?

– Руки вверх! Ну, или – подними руки! – Пашка хотел побыстрее прекратить этот неприятный для него разговор.

– Это на каком таком языке?

– На... азиатском. Ладно, давай досыпать. Выключай свет. Хопкун! Тьфу ты – ложись!..

...Он сидел среди разбросанных булав и колец. Сегодня не хотелось даже шевелиться. Ночная подработка на «Правде» в цехе экспедиции грузчиком, где газеты сортировались, укладывались в почтовые машины, а потом развозились по области, ежедневные репетиции, постоянные недоедания выкачали из двадцатилетнего молодого тела последние силы. Тут ещё эти сны... Депрессия навалилась, сковав руки.

– Правильно, бестолковый, сиди – само придёт! – на учебном манеже появился Земцев.

Пашка нехотя встал. Его слегка пошатывало. Бледность и осунувшееся лицо ученика не ускользнули от внимательных глаз старого мастера.

– Иди-ка сюда! Опять ночная смена? Надо завязывать с этим, тебя так надолго не хватит. М-да-а... – сочувственно вздохнул Пашкин руководитель, понимая, почему многие студенты искали себе подработки. – Стипендия у нас в училище – что та кума из Магадана, которой замуж поздно, а сдохнуть рано...

Пашка слабо улыбнулся. Фирс Петрович всегда находил яркие образные сравнения к ситуациям. Запас его метафор не ведал дна. Говорил он мало, но всегда ёмко и точно. Некоторые фразы Земцева разлетелись на цитаты.

– Нет, сегодня не работал, отсыпался. Точнее, пробовал...

– Что снилось? – Фирс, как звали его между собой студенты, упёрся тяжёлым взглядом в красные от бессонницы глаза Пашки.

– Да-а, чушь всякая, армия... – Жарких попытался уйти от ответа.

– Понятно... – Земцев опустил голову и опёрся на резную деревянную трость. Он серьёзно хромал. На фронте был трижды тяжело ранен. Под Воронежем, о котором Фирс иногда вспоминал с Пашкой, прикованный немецкий пулемётчик-смертник перебил ему обе ноги. С этими «наградами» в звании капитана он и вернулся с войны в цирк. Потом стал преподавать

в училище, подрабатывать на киностудиях страны руководителем каскадёров, сам исполнял трюки. Высокий, худощавый, жилистый, он смело брался за самое рискованное. Закончилось всё на съёмках фильма «Достояние республики». Оборвался канат. Земцев с одним из своих каскадёров сорвались с высоты. Фирс сломал обе ноги, как раз в местах ранений. С тех пор они толком не заживали, саднили. Бессонница стала постоянной спутницей жизни, как его трость и хромота. Анальгин постоянно лежал в кармане, он то и дело отправлял таблетку под язык, даже не запивая. По этой же причине курить, несмотря на строгий запрет для всех, ему негласно разрешалось везде. Его аскетическое лицо с высоким умным лбом было испещрено глубокими морщинами. Впалые щёки постоянно покрывала малозаметная щетина – брился он раз в четыре-пять дней. При разговоре рот Земцева приоткрывал тайну отсутствия многих зубов, разрушенных судьбой и постоянными анальгетиками. Его это смущало. Он каждый день обещал себе заняться здоровьем всерьёз, да как-то всё откладывал.

О том как прошла ночь, можно было судить по его словам при появлении на уроках. Если он, чуть улыбаясь, с лёгкой хрипотцой здоровался: «Привет, мастера!» – значило, что ему удалось поспать. Если звучало: «Привет, турки бестолковые!» – всё как обычно, сна было часа три-четыре, не более. Ну, а уж если слышалось: «Привет, уголовники!» – можно было смело говорить, что Фирс сегодня от боли не сомкнул глаз.

Манера его разговора была особой. Из-под нависших кустистых бровей смотрел он пристально и хмуро, говорил густым баритоном неторопливо, обстоятельно и чуть нараспев. Точнее, это был даже не разговор, а этакое недовольное бурчание.

За всем этим скрывался добрый, отзывчивый и легкоранимый человек. Возможно, именно эти свои качества Земцев пытался по какой-то причине скрыть за маской этакого мизантропа.

– Армия, говоришь, снилась! – Фирс приподнял голову и понимающе глянул на своего ученика. Перед ним стоял молодой пацан с бледным худым лицом, которого от нахлынувшей жалости хотелось прижать к груди, приласкать, успокоить, защитить. Земцев из «личного дела» Пашки знал, где тот на самом деле служил, и догадывался, что ему там пришлось пережить. Для остальных же гвардии рядовой Павел Жарких проходил службу в одной из подмосковных мотострелковых дивизий...

– Ну, ну... Она мне тоже до сей поры... Когда ты хоть раз стрелял в живого человека или стреляли в тебя, будет снится это до последних дней... Ладно, чем занимался сегодня, мастер?

Пашка поднял с ковра манежа детский резиновый мяч и попытался его закрутить на указательном пальце. Мяч повихлялся и через несколько оборотов соскользнул с пальца на ковёр.

– Бестолко-овый! Это что за кисть такая! Разверни её от себя, палец чуть подсогни! Ты что, этой парализованной культяпкой зрителей собираешься пугать? Смотри! – Земцев легко подбросил мяч вверх, успел подкрутить его и мягко принял на указательный палец. Мяч завращался весёлым волчком, словно прилипнув к пальцу старого жонглёра. Его кисть с остальными сложенными пальцами вдруг приобрела изящный вид, словно некий Владыка благословлял свою паству. Земцев легко перебросил вращающийся мяч с руки на руку, чуть подкрутил его, ударяя по глянцевою боку:

– Подай мячик!

Пашка протянул один из теннисных мячей, которыми он оттачивал технику жонглирования. Фирс сверху положил его на вращающийся. Два мяча один на другом пирамидой забалансировали во вращении. Пашка открыл рот от удивления. Земцев легко подбросил мячи вверх, уверенно поймал их и бросил на ковёр.

– Ну, как-то так... А вообще, особо не трать на это время. Мой тебе совет: выбери предметы по душе, лучше кольца, они у тебя неплохо идут, и долби в одну точку – тогда добьёшься результатов. А так будешь, как все...

– Да что из них можно выжать? – Пашка в недоумении поднял плечи.

– Хм! Ты у Игнатова переднюю вертушку на кольцах видел? У Бородавкина есть пару интересных комбинаций, у Канагина! «Что можно выжать?» – Земцев смешно передразнил Пашку. – По этому пути ещё никто толком не ходил. Все только воруют друг у друга придуманное и повторяют как мартышки. А кольца можно бросать не только вертикально, но и профильно, и плоскостями, и во вращении, и ещё хрен знает как только можно. Ты, главное, второй этаж подключи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.